

Бьют капли по стеклам. Деревья блестят за окном
Темнеть начинает. Молчит обезлюдевший дом.
Изранены сумерки, вечер смешался с дождем:
Играют Шопена.
Луна над землею. И девушка смотрит, бледна.
И руку на сердце свое положила она.
След крови на свежем снегу. И вокруг — тишина:
Играют Шопена.
Готовые пасть за свободу в чистойшей из битв.
Бойцы атакуют. Кровь льется. Сраженье кипит.
Но сил не хватает. Неправый опять победит:
Играют Шопена.
В пути журавли заблудились, курлычут, кричат.
Но, как ни кричи, нет пути ни вперед, ни назад.
И ранен повстанец. Он прячет измученный взгляд:
Играют Шопена.
От стаи журавль отстает. Слышен клекот орла.
Журавль разбивается — брызнула кровью скала.
Вернулась зима и могилы опять замела:
Играют Шопена.
Хоронят бойцов — тех, кто пал за свой гордый народ.
И ветер о скорби притихшим деревьям поет.
Над бездной времен — безучастных снежинок полет:
Играют Шопена.
Мужчина сидит. Зубы сжаты — ничем не разжать,
Прикрыты глаза. Бесполезно его утешать.
Но волосы гладит ему его старая мать:
Играют Шопена.
Трава прорастает. И вновь оживает любовь.
И женские руки на плечи любимого вновь
Ложатся. Но — нет! — не забыты ни горечь, ни кровь:
Играют Шопена.
Растаяли льды и снега моей горной страны.
И речка звенит, и деревья опять зелены.
Рассвет. Перевалы уже отовсюду видны:
Играют Шопена...

Перевел Н. Коржавин

Не схожи скалы меж собой обличьем,
И на границах горной высоты
Нетрудно разглядеть за их отличием
Характера различные черты.

Одна скала над вековою кручею
Кругла, как щит прадедовских времен.
Другая вровень с грозовою тучею.
Остра, как меч, что вырван из ножон.
А третья встала с головою гордою,
Дуб нацепив на каменную грудь.
Вдовой печальной замерла четвертая
И не подвластна времени ничуть.
Чело одних испещрено морщинами,
Как будто бы у мудрости самой,
Лбы у других, как шапками овчинными,
Закрыты снегом летом и зимой.
О скалы, скалы!
В их великом множестве
И в грубых очертаньях простоты
Мне видятся возвышенной несхожести
Всегда нерукотворные черты.
Давным-давно беру в горах уроки я
У строгих скал.
Они на свой манер,
От суеты и зависти далекие,
Мне постоянства подают пример!

Перевел Я. Козловский

Тревога сердца озадачит,
Во мне отзовется стихом,
А маленький, мальчик все скачет
На палочке тонкой верхом.
Беспечному всаднику сладко
По улицам мчаться с утра.
Ах, первая в мире лошадка,
Кобылка лесного тавра!
И мальчик не пеший, а конный
Несется навстречу векам,
И веточкой, веткой зеленой
Он хлещет тебя по бокам.
Немало ты верст проскакала
По лужам, асфальту, траве,
И сладостных мыслей немало
Родилось в его голове.
Резвей ты любых иноходцев

И внемлешь не только трубе,
И лошади всех полководцев
Завидовать могут тебе.

Перевел Я. Козловский

Был снег пушистым, словно кролик,
В Москве холодный был февраль,
Вдруг ты запела: «Лорик, лорик...»[2] —
И в этот миг исчезла даль.
И я услышал плеск Севана,
И Арарат передо мной
Возник за дымкою тумана
В снегу под желтою луной.
И запах трав был стар и горек,
И опьянял он, как вино.
Ты нежно пела: «Лорик, лорик...» —
И стыло в елочках окно.
Я видел тучи край лиловый,
Дороги мокрую спираль.
Я видел праздник вечно новый
И вечно старую печаль.
Засыпан снегом горский дворик,
А звезды трепетнее свеч.
И словно слышу: «Лорик, лорик».
И годы сбрасываю с плеч.

Перевел Я. Козловский

